

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1999

Д. С. Лихачев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В результатах исследований всегда отражается индивидуальность ученого — в такой же мере, как и предмет его исследований. И это отнюдь не недостаток. Субъективизм ученого — это нечто совсем иное — это искажение истины в интересах ученого. Я же имею в виду строгую объективность, в которой, однако, ясно сказывается угол зрения и вполне законное своеобразие подхода.

В самом деле, материал исследования всегда неисчерпаем. Он может давать все новые и новые выводы, углублять предметы исследования в зависимости от того, кто и как к нему подходит. Больше того, мы можем различно объяснять одно и то же явление, и каждое объяснение может оказываться правильным. Нечто подобное давно заметили физики, назвав это явление «принципом дополнительности».

Если этот принцип присутствия ученого в его выводах в полной мере действует в так называемых естественных науках (в квантовой физике, например), позволяя давать различные и вместе с тем в каждом случае верные объяснения явления, то в изучении общественных явлений — в истории, в литературе, в искусстве и в таких предметах изучения, как нация, общество, государство, даже город как некое сообщество людей, и т. д., личность исследователя в его выводах и подходах играет особенно значительную роль.

В своих исследованиях, в своем, если можно так выразиться, научном и общественном поведении, Анатолий Васильевич Предтеченский был и остается для нас типичным петербургским интеллигентом. Я хочу это особенно подчеркнуть, поскольку нападки на интеллигенцию все время

продолжаются. Они были в XIX в., теперь свойственны главным образом полуинтеллигентам и перешли даже в академическую среду. Впрочем, оговорюсь, интеллигент — всегда индивидуальность, и по существу он не может быть «типичным». Объединяет интеллигентов всего только несколько черт: европейская образованность, деликатность в отношении других, их взглядов, следование принципу свободы, высокая нравственность в самом характере воззрений, независимость интеллигента от того, к какой партии он принадлежит, к какому сословию, каковы материальные его интересы и т. д. Вот эта независимость от разного рода обстоятельств делает человека образованного не просто «образованцем», а интеллигентом.

Анатолий Васильевич Предтеченский легко «узнаваем» в среде таких представителей петербургской интеллигенции, как, скажем, И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, А. А. Мейер, Н. И. Конрад («петербургским» Конрад оставался и переехав в Москву), М. В. Юдина, С. А. Алексеев-Аскольдов, Б. А. Романов, С. Н. Валк, Ю. М. Лотман (я называю только тех, кого знал лично)...

При всем различии во внешности все они в моих представлениях объединены чем-то общим и бесконечно притягательным. Боюсь, что люди моложе меня уже не имеют представления о настоящих интеллигентах. Я считаю своим долгом защитить интеллигенцию, потому что я помню и 1918-й год, и 1919-й, и 1920-й, когда интеллигенцию расстреливали, и уже начали создаваться процессы над интеллигенцией. Интеллигенция вела себя в высшей степени достойно в целом, за исключением, конечно, некоторых людей или полуинтеллигентов, кого принимали за интеллигентов.

А. В. Предтеченский отчетливее всего запомнился мне в зале филармонии с программкой концерта в руках и в старом помещении выдачи книг в Библиотеке Академии наук разглядывающим заказанную им книгу и старомодно беседующим с заслуженной библиотекаремшей за столом выдачи. И в том и в другом случае он был внимателен как к окружающим его, так и к содержанию просматриваемого. Листок программки концерта и раскрытая книга могли бы быть взяты для его экслибриса.

Внимательность к другим была так же свойственна петербургской школе ученых-гуманитариев, как и внимательность к источникам. Мы наблюдаем это, когда обращаемся к творчеству таких типично петербургских ученых, как Б. А. Романов, С. Н. Валк, Н. П. Лихачев. Сейчас к нам

приходит радость узнавания этих «петербургских черт» в трудах А. В. Предтеченского.

Я отнюдь не хочу сказать, что петербургские черты выше московских, например. И петербургская наука, и московская в равной степени наделены своими положительными чертами, но эти черты в какой-то мере различны, и это хорошо. Московскую школу всегда отличала красочность, сказывавшаяся не только в стиле изложения, но и в характере выводов. Ключевский и Соловьев были великими представителями московской науки с ее широким охватом явлений, выразившимся в создании огромных и полноценных историй России, осмыслявших историю не только в научной, но и в художественной форме.

Петербургскую школу всегда отличала другая черта — сдержанность в выводах и стремление рассматривать источники с коротких расстояний, пристальное изучение документов и выработка скрупулезных методов изучения источников.

Мы можем считать, что Н. М. Карамзин был в своей «Истории государства Российского» родоначальником обеих школ: московской и петербургской; в своем основном изложении — московской, в своих не утративших своего значения «Примечаниях» — петербургской.

Не следует, однако, считать, что сухая скрупулезность была отличительной чертой петербургской науки, как у филологов, так и у историков. В петербургской школе было много изящества. Петербург и Москва отличались в науке как графика (Петербург) и живопись (Москва). Изящные работы А. А. Шахматова похожи на графику М. В. Добужинского, на книжное искусство А. Н. Бенуа. Работы В. О. Ключевского ближе к В. М. Васнецову, К. А. Коровину.

Историческая наука — величайшая школа нравственности. Поэтому нравственные воззрения историка чрезвычайно важны. И с этой точки зрения личность А. В. Предтеченского близка личностям И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Б. А. Романова, С. Н. Валка. В их научном поведении также много общего. Всех их отличала любовь к своему городу и к краеведению. Для А. В. Предтеченского редактирование «Истории Академии наук», «Очерков истории Ленинграда», новаторские труды о декабристах (напомню, что движение это принадлежит Петербургу в основном), о Петровской эпохе, о реформах Александра I было данью его любви к родному городу.

Всем своим существом А. В. Предтеченский был против вульгарной «методологии» своего времени. Я не могу назвать ее марксистской, так как она не имеет отношения к марксизму, но это вульгарная методология, которую надо непременно изучать и в области филологии, и в области истории, чтобы иметь возможность отделять зерна от плевел. Благородный облик А. В. Предтеченского возвышался над трагедией «проработок», губивших науку. Его изысканная вежливость была не просто внешней манерой старомодного человека, а существом его отношения к миру, к окружающему. У Анатолия Васильевича было не только внешнее, но и внутреннее изящество, которое, думаю, тоже было продиктовано этим неизменным отношением к миру.